

Евтеева Мария Юрьевна

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ ДЕЛАТЬ

В данной статье построение семантической структуры ядерного глагола поля действия в русском языке делать основывается на выявлении у него прототипических значений, объяснении их взаимосвязи, а также развития каждого из значений. Такой подход позволяет определить семантические границы широкозначного глагола и выявить некоторые особенности платеемии в сопоставлении с полисемией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 67-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81-13

Филологические науки

В данной статье построение семантической структуры ядерного глагола поля действия в русском языке делать основывается на выявлении у него прототипических значений, объяснении их взаимосвязи, а также развития каждого из значений. Такой подход позволяет определить семантические границы широкозначного глагола и выявить некоторые особенности платесемии в сопоставлении с полисемией.

Ключевые слова и фразы: семантическая структура; глагол широкой семантики; платесемиа; полисемия; прототипическое значение; качественная определённость; обратимость; ориентация на внутреннюю структуру события; метафора; метонимия; механизм развития значения.

Евтеева Мария Юрьевна

Московский городской педагогический университет
korchagina_masha@yahoo.com

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ ДЕЛАТЬ®

Ментальные репрезентации языка как результат познавательных процессов особо интересны для исследования в рамках когнитивного подхода. Глаголы широкой семантики, в число которых входит предикат *делать*, представляющий ядро поля *действия* в русском языке, относятся к единицам базового уровня. Здесь в качестве категорий выступают объединения, концентрирующие в себе наиболее релевантные для обыденного сознания свойства [6, с. 14]. Тем не менее, описание семантики таких единиц представляет определённую проблему именно из-за широты диапазона контекстов, в которых используется широкозначное слово, что находит своё отражение, например, в лексикографической практике. Так, У. М. Трофимова отмечает, что широкозначное слово интерпретируется в словарях в виде его реализаций в текстах, что не даёт чёткого представления об объёме слова [14, с. 307-308]. Е. С. Кубрякова, в свою очередь, связывает тенденцию в лексикографических источниках к возможно полному описанию значений глагола с психолингвистическими наблюдениями и желанием восстановить «картину наблюдения за ситуацией, описываемой глаголом» [4, с. 85].

Предлагаемый в данной статье подход позволяет более чётко определить семантические границы широкозначного глагола *делать*. В качестве **гипотезы** было выдвинуто предположение о возможности построения семантической модели такого глагола на основе выявления прототипических значений.

В целях исследования был осуществлён контекстуальный, дистрибутивный и валентный анализ около 2,5 тыс. примеров из корпусов текстов русского языка [3; 9] и ряда словарей [10; 12; 13]. В соответствии с предложенной Е. С. Кубряковой категориальной классификацией [5, с. 17], глагол *делать* можно определить как трёхфокусную единицу, построенную по прототипическим признакам. (Термин *фокус* вводится исследователем как одно из оснований для выделения типов категорий, противопоставленных по числу кластеров (пучков) признаков, организующих каждую из категорий в некое единство.) Было установлено, что глагол *делать* вносит информацию о **создании объекта (делать1), преобразовании объекта (делать2) или фиксации наличия какого-либо действия без его спецификации (делать3)**. Можно утверждать, что каждый из указанных фокусов организован следующими группами признаков:

- первый фокус (*делать1*) – *создание объекта, иная качественная определённость объекта, необратимость ситуации, ориентация на внутреннюю структуру ситуации;*
- второй фокус (*делать2*) – *преобразование объекта, сохранение качественной определённости объекта, обратимость ситуации, ориентация на внутреннюю структуру ситуации;*
- третий фокус (*делать3*) – *фиксация действия, отсутствие его спецификации, реализация кванта действия, отсутствие ориентации на внутреннюю структуру ситуации.*

В отношении глаголов широкой семантики среди учёных до сих пор не было единого мнения относительно механизмов развития их значения. Это объясняется сложностью их выделения ввиду высокой степени обобщённости и абстрактности, в связи с чем исследователям часто не представляется возможным привести все или, по крайней мере, большинство значений таких лексем к некому единому содержательному ядру (ядрам). Однако важность прототипической ситуации наряду с исходным, базовым значением при семантической деривации подчёркивает Г. И. Кустова. Учёный пишет, что «прототипическая ситуация... является источником той когнитивной схемы, которая, по мере удаления от физической субстанции, постепенно “проступает” во все более общем и абстрактном виде в производных значениях, объединяя весьма разнородные ситуации с разнотипными объектами в единую группу и делая их реализациями некоторой “общей идеи”. Но она же, прототипическая ситуация, является и источником многочисленных импликаций, которые в исходном значении не отмечаются..., но на которых основаны многие неметафорические и особенно метафорические значения» [7, с. 197]. Как представляется, особую важность это замечание имеет именно для глаголов широкой семантики. Именно прототипическая ситуация фиксируется опытом человека и служит основой систематических корреляций между явлениями действительности. Дж. Лакофф и

М. Джонсон видят в этом истоки метафор как таковых, подчёркивая ценность структурных метафор, под которыми они понимают «случай, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [8, с. 35]. Исследователи обращают внимание на то, что обычно более чётко определяется и, следовательно, структурируется именно физический опыт, поэтому «нефизическое концептуализируется в терминах физического» [Там же, с. 96].

Можно утверждать, что развитие значения (*делать*1 → *делать*2) происходит именно посредством метафорического переноса (структурная метафора): чётко определённый физический опыт *создания объекта иной качественной определённости, не предполагающий обратимость ситуации, (делать*1) через образ «создания преобразования» структурирует ситуацию *преобразования объекта с сохранением его качественной определённости и возможностью обратимости ситуации (делать*2) (с сохранением признака ориентации на внутреннюю структуру события).

Создаваемые объекты при глаголе *делать* (*делать*1) могут иметь физический, а также нефизический характер. Очевидно, что номинация глаголом ситуации создания физического объекта первична по отношению к ситуации создания нефизического объекта. Как представляется, такая вторичная номинация в рамках прототипического значения *делать*1 также строится на основании **метафорического** переноса, то есть создание нефизических объектов сравнивается с созданием физических объектов. Подчёркнём, что при этом сохраняются все признаки, определяющие значение *делать*1, и речь не идёт о новом прототипическом значении. Такой метафорический перенос можно определить как **онтологический**, строящийся, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, на основе опыта обращения с материальными объектами. Авторы усматривают в онтологических метафорах «способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ» [Там же, с. 49] (например, *делать суп* → *делать мозаку*). Таким образом, происходит понимание нефизического в терминах физического. По словам Д. Н. Шмелёва, семантическое развитие многих слов, получающих вторичное значение, характеризуется движением от более конкретного к более абстрактному, и происходит это посредством «метафорического уподобления отвлечённых явлений конкретным, “зримым” предметам, признакам, действиям» [16, с. 218].

Внутри прототипического значения *делать*2 действуют, однако, уже другие механизмы. При этом не изменяются признаки, определяющие данный фокус глагола, и не создаются новые прототипические значения. Преобразование *физического* состояния объекта на основе уже **метонимического** переноса позволяет номинировать ситуацию преобразования *нефизических* характеристик объекта, таких как эмоционально-психологическое состояние, статус, роль, функция, оценка / восприятие. Дж. Лакофф и М. Джонсон также указывают, что посредством метонимии ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО множество таких частей способны замещать целое и выбор части определяет фокус нашего внимания [8, с. 62]. Например: *делать женщину красивой* → *делать женщину счастливой*.

В этой связи Е. С. Кубрякова замечает, что неопределённость мира, где нет чётких границ между объектом и его признаком, становится основанием для метонимических переносов и обеспечивает лёгкость перехода от целого к его части, и наоборот [4, с. 89]. Согласно классификации предикатной метонимии, принятой в работах Е. А. Козловой и Н. С. Трухановской [2; 15], данный случай переноса в рамках прототипического значения *делать*2 можно определить как **причинно-следственную** метонимию, что вполне согласуется с компонентом причинности для прототипической ситуации действия. При этом в ситуации *преобразования эмоционально-психологического состояния* объекта можно говорить о подтипе причинно-следственной метонимии *действие-состояние*. В других случаях – преобразование статуса, роли, функции, оценки / восприятия объекта – подтип определяется как *причина-результат*.

Сложнее определить «происхождение» третьего значения исследуемого глагола (*делать*3). Как представляется, оно могло развиваться на основе перехода от простого к сложному или *от конкретного к абстрактному*. Аргументом в пользу данной идеи служит то, что такая схема имеет место при развитии прототипических значений глагола *делать* как по горизонтали (от кластера к кластеру: *делать*1 → *делать*2), так и по вертикали (в рамках отдельного кластера: *создавать физические объекты* → *создавать нефизические объекты, преобразование физического состояния объекта* → *преобразования нефизических характеристик объекта*). Можно предположить, что это развитие по пути абстрагирования в случае глагола *делать* не ограничилось осмыслением ситуаций воздействия на нефизические объекты, их *создания (делать*1) и *преобразования (делать*2). Вероятно, оно стало развиваться дальше: посредством онтологической метафоры. Факт придания дискретности, «овеществления», ситуациям воздействия на нефизические объекты позволяет идти дальше по пути абстрагирования и структурировать ситуации, соответственно, как *создание* или *преобразование вообще чего-либо*, некоей сущности крайней степени абстракции. Как отмечает Т. Г. Попова, метафоры «фокусируют» внимание на одних свойствах денотата, «оставляя без внимания» другие, таким образом, «отфильтровываются» некоторые важные признаки предмета, подвергнувшегося метафоризации [11, с. 62]. При этом посредством уже отвлечения от конкретных вариантов, то есть посредством **инварианта, выступающего в данном случае как механизм или инструмент**, исчезает граница между прототипической ситуацией создания и прототипической ситуацией преобразования объекта. На высоком уровне абстракции обе ситуации концептуализируются как прототипическая ситуация *реализации кванта действия, действие фиксируется как таковое без его спецификации, не ориентированное на внутреннюю структуру события* (прототипическое значение *делать*3, например, *делать что-то, делать это, что делать?*).

Предположительно, значение *делать*³ также получает своё дальнейшее развитие (*делать что-то* → *делать ужас что*). Однако оно уже идёт не по пути абстрагирования, а наоборот: здесь действует механизм *конкретизации*. Это можно объяснить тем, что существует необходимость каким-либо образом понять, объяснить или, по крайней мере, определить абстрактные сущности. Посредством конкретизации квант действия определяется с аксиологической точки зрения, то есть по шкале «плохо»-«нейтрально»-«хорошо», например, *делать нечто прекрасное, добро, только хорошее, непонятно что, только плохое, зло, ужас что*. Таким образом, даётся качественная характеристика действия.

Как отмечалось ранее, Е. С. Кубрякова предлагает различать категории а) по числу кластеров признаков, б) по построению на основе прототипических признаков в отличие от деривации с изменением главного признака кластера, в) по содержанию признаков в кластере (единицы с перцептивными, абстрактными и смешанными характеристиками) [5, с. 17]. Исходя из результатов исследования, можно утверждать, что глагол *делать* относится к единицам, в двух кластерах которого имеются как перцептивные единицы (действие/создание/преобразование физического объекта), так и абстрактные (действие/создание/преобразование нефизического объекта), в третьем кластере – только абстрактные единицы. То есть исследуемый глагол, с этой точки зрения, является категориальной сущностью, включающей единицы разного качества: со смешанными и только с абстрактными единицами.

Подводя итог вышесказанному, определим глагол *делать* как трёхфокусную категорию, построенную по прототипическим признакам, включающую единицы разного качества (со смешанными и абстрактными единицами). Изложенная здесь модель семантической деривации глагола определила принятые порядковые номера прототипических значений: от *делать*¹ → через метафору → *делать*², на определённом этапе абстрагирования от *делать*¹ + *делать*² → посредством их инвариантного значения → *делать*³. Метонимический перенос имеет место при развитии второго прототипического значения *делать*². Развитие прототипического значения *делать*³ происходит, наоборот, за счёт конкретизации аксиологического характера.

Таким образом, **семантическая модель широкозначного глагола строится на основании выделения прототипических значений, в то время как для многозначных слов речь идёт о лексико-семантических вариантах (ЛСВ)**. При этом **в первом случае деривация происходит на основе изменения прототипических признаков** (если глагол имеет более одного значения), **а во втором – при изменении главного признака в группе, определяющей ЛСВ**. Различие заключается в характере семантического переноса как основы развития нового значения, закреплённого в языке. (Данное предположение требует, однако, специального исследования, что не входит в задачи данной работы.)

Кроме того, **иерархию прототипических значений широкозначного слова выстроить невозможно**. Так, например, несмотря на то, что одно значение мотивированно другим, по своему употреблению *делать*³ является даже более частотным, чем *делать*², которое, в свою очередь, употребляется чаще, чем *делать*¹. Как представляется, **это отличает глаголы широкой семантики от полисемичных глаголов**, деривационная структура которых, как отмечает С. Д. Канцельсон, характеризуется строгой иерархией: «главенствующую роль играет всегда одно – основное, или главное значение; все остальные значения прямо либо косвенно подчинены главному, хотя она и может видоизменяться в ходе исторического развития» [1, с. 59]. Это также позволяет предположить, что **характерной чертой глаголов широкой семантики является то, что наиболее употребимые значения являются более «молодыми»**; в свою очередь, первые значения, за счёт которых происходит семантическая деривация, менее употребимые. Это происходит как в горизонтальной плоскости (непосредственная связь между значениями), так и в вертикальной (при развитии в рамках каждого отдельного значения). В отношении полисемантических глаголов этого утверждать нельзя.

Ещё одним релевантным **параметром противопоставления платеесемии и полисемии** является возможность выделения **инвариантного значения, которое, в отличие от прототипических значений как его вариантов, актуализируется каждый раз в речи**. В случае же употребления многозначного слова все, кроме одного, ЛСВ исключаются.

Список литературы

1. Канцельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / под общ. ред. В. М. Жирмундского, М. М. Гухман, С. Д. Канцельсона. Изд-е 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 112 с.
2. Козлова Е. А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола: дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2001. 154 с.
3. Корпус русского литературного языка (КРЛЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narusco.ru> (дата обращения: 09.07.2012).
4. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: модели действия. М.: Наука, 1992. С. 84-90.
5. Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. М. – Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. Вып. VII. С. 13-18.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
7. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.

9. **Национальный корпус русского языка (НКРЯ)** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.07.2011).
10. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка (СРЯ): 70 000 слов. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.
11. **Попова Т. Г.** Метафора как ментальный и языковой механизм // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе: материалы межвузовской научно-практической конференции (25 мая 2011 года): статьи и доклады участников конференции: в 2-х т. М.: Типография в/ч 33965, 2012. Т. I. С. 62-68.
12. **Толковый словарь В. Даля ON-LINE** [Электронный ресурс]. URL: <http://vidahl.agava.ru> (дата обращения: 20.07.2012).
13. **Толковый словарь Ушакова** [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=68834> (дата обращения: 04.08.2012).
14. **Трофимова У. М.** О некоторых аспектах проявления категории абстрактность-конкретность в языке и сознании // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура знания. Вторые чтения памяти О. Н. Селивёрстовой. М.: МГПУ, 2006. С. 304-312.
15. **Трухановская Н. С.** Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации (в сфере предикатов физического воздействия): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 280 с.
16. **Шмелёв Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

PROTOTYPICAL MEANINGS OF THE VERB *ДЕЛАТЬ* OF BROAD SEMANTICS

Evtееva Mariya Yur'evna

*Moscow City Pedagogical University
korchagina_masha@yahoo.com*

In this article the semantic structure formation of the Russian core verb *делать* of action field is based on revealing its prototypical meanings, explaining their interconnection and each meaning development. Such approach allows determining the semantic limits of the verb with broad semantics and revealing some contextually conditioned polysemy peculiarities in comparison with common polysemy.

Key words and phrases: semantic structure; verb of broad semantics; contextually conditioned polysemy; polysemy; prototypical meaning; qualitative certainty; reversibility; orientation to event inner structure; metaphor; metonymy; meaning development mechanism.

УДК 81'23:398

Филологические науки

В статье описываются особенности восприятия носителями русского языка «добрых» и «злых» персонажей народных сказок на основании результатов психолингвистических экспериментов, проведенных в рамках предпринимаемого исследования: эксперимента с использованием метода анкетирования, эксперимента с использованием метода свободной группировки и прямого ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова и фразы: восприятие; носители языка; психолингвистический эксперимент; метод анкетирования; метод свободной группировки; прямой ассоциативный эксперимент.

Елина Анастасия Каерхановна

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
kadyrovaak@mail.ru*

«ДОБРЫЕ» И «ЗЛЫЕ» ПЕРСОНАЖИ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК: СООТНОШЕНИЕ ПРИЗНАКОВ[©]

В рамках предпринимаемого исследования с целью установить, как воздействует социум на восприятие носителями языка героев народных сказок, был проведен ряд психолингвистических экспериментов. Отобранных для исследования из сборника А. Н. Афанасьева [1] персонажей русских народных сказок по результатам эксперимента с использованием метода анкетирования можно разделить на положительных (признак «добрый» входит в ядро концепта) и отрицательных (признак «злой» входит в ядро концепта). В восприятии носителей языка положительными героями являются *морской царь, Морозко, Марья Моревна, царь-девица, Елена, Емеля, Иван-царевич, Никита Кожемяка, падчерица, Иван-дурак, солдат, Василиса, Алёнушка*. К отрицательным персонажам относятся *баба-яга, нечистый дух, Кощей Бессмертный, мачеха, Змей Горыныч, ведьма*. Ни к одной из этих групп мы не можем отнести таких персонажей, как *Мартышка, Федот-стрелец* и *Заморышек*, поскольку на основании реакций испытуемых не представляется возможным выделение ядерных личностных характеристик героев.

Чтобы расширить представление о восприятии носителями языка персонажей русских народных сказок, мы провели дополнительный эксперимент с использованием метода свободной группировки, в ходе которого